

© 2003 г.

Н.В. АРУТЮНЯН. Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван: Издательство «Гитутюн» НАН РА, 2001. 542 с. 183 табл.

Было приятной неожиданностью появление в свет рецензируемой фундаментальной работы известного урартолога Н.В. Арутюняна, внесшего в свое время весомый вклад в развитие мирового урартоведения. Его многочисленные труды – отдельные публикации новых урартских текстов с филологическими комментариями, монографии, посвященные политической истории и исторической географии Урарту, и многие другие урартоведческие работы давно обратили на себя внимание урартологов и специалистов смежных дисциплин.

Опубликованные уже в 60-е годы прошлого столетия широко известные корпуса урартских клинописных текстов Г.А. Меликишвили (1953–1954, 1960, 1971 годов) и Ф.В. Кёнига (1956–1957 годов) сыграли, как известно, огромную роль в деле дальнейшего развития урартологии. В то же время они стали хорошим примером для подражания для будущих создателей корпусов урартских надписей. После же опубликования многих новонайденных урартских текстов И.М. Дьяконовым, Б.Б. Пиотровским, самим Н.В. Арутюняном, М. Сальвини, Г. Вильгельмом и многими другими, необходимость создания нового корпуса урартских клинообразных надписей стала совершенно очевидной.

В составленный Н.В. Арутюняном «Корпус урартских клинообразных надписей» (далее – КУКН) включены все урартские надписи, опубликованные до выхода его в свет. Число их достигает более 600–599 основных и еще несколько новейших надписей (как известно, Г.А. Меликишвили опубликовал в 1960 г. 449 надписей в собрании «Урартские клинообразные надписи» (далее – УКН) и несколько десятков урартских текстов в ВДИ в 1971 г.).

При издании текстов рецензируемого Корпуса Н.В. Арутюнян учел богатые традиции предшественников – издателей урартских текстов, а также авторов, издавших отдельные новые урартские надписи. Автором настоящего Корпуса были исправлены многие ошибки, имевшиеся в старых изданиях при чтении урартских текстов, восстановлены поврежденные урартские слова и даны новые чтения и интерпретации известных ранее надписей. Корпус подготовлен в полном смысле слова на уровне современного развития урартологии. Тексты даны в транслитерациях, переводах (в которых сохраняется нумерация строк транслитераций), комментариях. К Корпусу прилагаются детерминативы, гетерограммы (шумерограммы) и аккадограммы, лексика урартского языка, имена собственные и теонимы, географические и этнические названия. Правда, в Корпусе отсутствует отдельный грамматический очерк урартского языка (такой очерк дается в УКН, позднее он был переведен на немецкий язык и издан в Мюнхене), однако вопросы грамматики языка рассмотрены в комментариях каждого урартского текста довольно подробно (к сожалению, в книге отсутствует список урартских клинописных знаков). В конце Корпуса даны фотографические воспроизведения и автографические копии надписей, а также списки таблиц и сокращений, прилагается схематическая карта Урарту.

Надписи в Корпусе расположены в последовательности хронологии правления урартских царей, первым из которых был Сардури, сын Лутипри (Сардури I). От его имени составлены шесть идентичных по содержанию текстов на аккадском языке (надписи 1–6), так как урартское клинообразное письмо было создано, как предполагает Н.В. Арутюнян, несколько позднее (с. 9). Эти тексты интересны тем, что в них географическое название «Наири» употребляется для обозначения «Урарту» или «Биайнили», т.е. страна «Урарту» в этом тексте является одной из «стран Наири» (ср. «страны Наири» ассирийских источников).

В Корпусе далее приведены тексты надписей (7–29) от имени Ишпуни, сына Сардури (I), из которых девять были найдены и опубликованы после выхода в свет УКН и других урарт-

ких текстов. Большинство из них – одно- или двухстрочные. Почти все надписи Ишпуини – строительные.

Из 13 надписей (30–39а) Ишпуини и Менуа четыре были найдены и опубликованы в 1975–1999 гг. Количество текстов Менуа и Ишпуини увеличилось за счет новых надписей, обнаруженных после опубликования Г.А. Меликишвили УКН и других надписей. Их около 30. Общее число надписей от имени Менуа превышает теперь 150 (надписи 40–172с), из которых порой один и тот же текст повторяется дважды, трижды, даже четырежды; некоторые тексты однострочные.

Новых надписей от имени Аргишти (I), сына Менуа, очень мало (174 с. 184, 191, 192), однако в них повествуется о проведении нового канала, постройке храма; речь идет о военных походах и покорении стран (в частности страны Тариуни и царя страны Диаухи), захвате многочисленных пленных, разрушении крепостей, поселений и т.д. Общее число надписей Аргишти I достигает 70 (надписи 173–240).

После надписей (241–386) царя Сардури II, сына Аргишти, из которых новыми являются всего несколько незначительных по содержанию текстов (246, 278, 290, 385а, б, с, 386), в КУКН рассмотрены надписи Русы II (387–405), сына Сардури II. Три текста из них, опубликованные М. Сальвини в 1977 и 1979 гг., а именно надписи 392, 393 и 394, трудно переводимы, так как в них много непонятных слов, поэтому Н.В. Арутюнян дает их подробный пересказ.

Надписи Аргишти II, сына Русы I, немногочисленны, их всего шесть (406–411). Среди них следует отметить текст 411 (так называемая Сисианская надпись), впервые изданный Н.В. Арутюняном в 1979 г. (на армянском языке), переизданный им же в 1982 г. (на французском языке) и в 1983 г. (на русском языке). Что касается текста 407 (в УКН 278, без транслитерации и перевода), Н.В. Арутюнян приводит его только в транслитерации (к его переводу см. текст 406; в УКН текст 277а включен в число надписей Русы IV, сына Русы).

Надписей Русы II, сына Аргишти (412–427а), в КУКН больше (21), чем в УКН (9). Надписи 412а,б; 420а,б и 427а были опубликованы в 1979–1995 гг., поэтому их нет в УКН.

Далее следуют надписи Сардури III, сына Русы (428, 429), Сардури IV, сына Сардури (430–432), надпись Эримены, сына Сардури (?) (433). Некоторые из них повреждены (надписи Сардури III и IV в УКН отдельно не выделены). Контексты этих надписей, за исключением 431 и 432, были известны до издания КУКН.

Надписи Русы III, сына Эримены (434–444), помещены на бронзовых щитах и каких-то бронзовых предметах, на строительных камнях, вследствие чего они не пространственные, – как правило, одно- или трехстрочные. Все эти надписи – посвятельные (посвящаются богу Халди).

Две надписи (445–446) последнего урартского царя Русы IV, сына Русы (возможно, Русы III), отдельно не выделены в УКН. Одна из них (446) обращает на себя внимание тем, что в ней употреблены так называемые «словоразделители».

В заключительной части приводятся надписи неизвестной принадлежности (447–599): многие из них сильно повреждены и не переводятся, другие же состоят из отдельных непонятных слов. Текст 520 читается хорошо, но он весьма сложен для понимания, так как содержит своеобразную лексику. Надписи 529–548 являются клинописными обозначениями емкости на винных каразах кладовой № 25, а надписи 549–583 – также клинописными обозначениями емкости на винных каразах других трех кладовых (ср. также надписи 584–597).

Таким образом, рецензируемый КУКН включает в себя все известные до настоящего времени урартские клинообразные надписи, составленные всеми известными урартскими царями (следует отметить, что к периоду создания УКН не были еще выявлены надписи Сардури III, Сардури IV, Эримены и Русы IV).

Урартские надписи, открытые после опубликования корпусов урартских текстов Г.А. Меликишвили и Ф.В. Кёнигом, внесли много нового в развитие урартологии. Как показывает КУКН, в этих текстах были зафиксированы новые детерминативы и гетерограммы (логограммы), притом старые их чтения были заменены новыми; урартская лексика была обогащена новыми словами, были выявлены новые имена собственные (лиц и божеств), стали известны новые географические и этнические названия и т.д.

Из новых детерминативов следует отметить следующие: АВ – «море», «озеро» – незамеченный ранее детерминатив, которым снабжается урартское слово *ṣe* с тем же значением в надписи «Дверь Мхера»; *didli* – редко встречающийся детерминатив для обозначения мн. ч. (ср. хеттский детерминатив *DIDLİ.ḪI.A* с тем же значением); *KI* – «земля» – детерминатив для обозначения топонимов (а также фонетическое чтение идеограммы *qi(u)ra*); *ŠAM* – «расте-

ние» – детерминатив к названиям растений; UZU – «мясо» – детерминатив к слову ḥušu «мясо» и т.д.

Новые гетерограммы (логограммы) даны, по мере возможности, с ассирийскими и урартскими соответствиями: A – асир. arlu (mā ru) «сын»; Á – асир. aḥu(m) II «сторона», по всей вероятности, урарт. bidi; AK – асир. ерēšu «делать»; ^dAMAR-UTU – ^dМардук; ^{LÚ}A.NIN – двойная гетерограмма, не известная из других систем клинописи, – «сын царицы», «законный царевич»; DU – асир. alā ku «идти», урарт. nun(a); EGIR – асир. (w)arka «затем» (часто встречается в хеттских текстах); E.PAP – «арык», урарт. i ši; ^{LÚ}GABA.RI (?) – асир. gabaḡu «противник»; GÁL – асир. bašū «быть»; GAR/GĀ – асир. šakā nu «ставить; установить», урарт. ter(u)-; ^{MU-NUS}GAŠAN – асир. bēltu «хозяйка», šaḡatu «царица»; ĠIR – асир. ḡaḡā nu «дорога», урарт. ḡari; ^(GÍŠ)GISKIM/GIŠKIM/ISKIM – асир. tukultu(m) «помощь; содействие» (старое чтение ^{GÍŠ}TUKUL). Встречается с фонетическим комплементом -li (показатель мн. ч. урартского языка: ср. ^{GÍŠ}TUKUL-li «оружие» в хеттских клинописных текстах, в которых фонетический комплемент -li является окончанием незасвидетельствованного хеттского слова для «оружия»); ḤÚL – асир. ḥadūtu «радость; удовольствие», урарт. rišuše; ^{LÚ}IGI.LA – асир. amā ru «надзиратель»; ÍL/ÍLA – асир. našū «носить, уносить», урарт. naḡ (u)-; IM, то же, что и DUB, – асир. ṭupru «надпись»; MUNUS/SAL – асир. sinni štu «женщина», урарт. ^{SAL}lutu и ^{LÚ/SAL}uediani; SIG₅ – асир. damā qu «хороший», урарт. gazuli(e); UTÚL – асир. diqā ru «горшок», урарт. šani и мн. др.

Что касается аккадских логограмм (аккадограмм), то они даны в Корпусе отдельно как «аккадские слова» (в УКН они рассмотрены вместе с шумерограммами): annú(m) «этот», урарт. ikukaḡ ini; danā nu(m) «сила», урарт. tara(g/i)e или ardiše; eḷē nu(m) «поверх, выше», урарт. zainuadi; ē qū tu «жертвоприношение», асир. atqanani; ḡerū «разбивать», урарт. ip ḡ (u)- и tur(u)-; kē nu(m) «истинный», урарт. muši; kullatu(m) «весь», урарт. šuini; le'ū «принудить», урарт. 'ald(u)-; mā du(m) «много», урарт. tarā e; memē ni «кто-нибудь», урарт. aini; nabā lu «разрушать», урарт. pit(u); paḡakku «святилище», урарт. iarani; pašḡu «свободный, освобожденный» (от обязательного жертвоприношения); урарт. eguruḡu/e; rī lu, rū lu, rē lu «каменная глыба», урарт. ^(NA4)pulusi «стела»; šaknā te «положенные, поставленные», урарт. terainili; šulmu(m) «здоровье, мир», урарт. ḡarari; turu «опять, снова, вновь», урарт. adani и др.

После известных работ Г.А. Меликишвили и Ф.В. Кёнига урартская лексика значительно обогатилась благодаря новым урартским текстам, опубликованным урартологами разных стран (с. 431–476). В надписях впервые были зафиксированы неизвестные урартские слова, из коих следует отметить: absi(ei)/apsi(ei) «всякий, любой», ^Éadunuseni «(дом)а»; amudi «поле, пашня»; aḡe/i «путь»; arni(u)šim(e)li «деяния, подвиги»; ^{LÚ}ateini «отец», хурр. attai-; ^{LÚ}au eiṭeni «служитель храма»; gurbini «колчан»; ^{LÚ}ḡ albi = ^{LÚ}DUMU «сын»; ḡ aluli «виноград» (?); ḡ amizini «пастбище»(?); inuanili «богини»(?); irnu-tuḡie «царство»; kaquli «камень»; ^{LÚ}kirini «чашеносец»; ^{LÚ}maḡi «знатный» (ср. хурр. maḡi, хетт. maḡi i anni «колесничий»); -me энклитическое местоимение «меня, мне»; meḡiṭe от глагола meḡ(u) «счит»; paḡari, – по-видимому, «стела (с надписью), памятник»; ^{LÚ}palagi название профессии; pal(i) a «говорить»; paḡiḡe «необработанный»; paḡult(u) «угнать, уводить»; qaitani = ^{LÚ}ÚKU «народ»; quṭurili – категория рабов; ^{LÚ}šiardiali «гонцы»; tanaši «светильник»; ^Éṭuluria «дворец» (?) = ^É.GAL ^{MES}-ria и мн. др.

Установлены ранее не известные значения целого ряда слов: ^{URUDU}dudi(e) «межевой столб»; ešimeši «навсегда» (?); ḡuni «правый, правильный»; ^{UZU}ḡušu «мясо» (?); ḡuṭutuḡi «удача»; ^dina(ini) «бог, божество»; ineriḡini «божественный»; ^diniriaše «божественность»; kurni «жрец»; puruli(ni) «дом, храм» (= хурр. puruli и хетт. EZEN purulliaš «праздник»); qudulani = ^É.BAR

«храм»; salī «козленок»; sieršini «пастбище»; ^{UZU}tišni/u «сердце» = ŠÀ; LÚdig/iuni «правитель» и др.

В урартских надписях засвидетельствованы и слова с неизвестными значениями: abdu i ani, adinni, adita, aka i e, aka ši ani, aluini, amue, anagi(e), arpau(e), aršudi, ateri, ekudie, ekurie, eku še, erasini, esidini, gud(u), irbilani, i še i ame, i šiau še, kumemu še, manu še, ma u ini, quradiri, sid(u), sili š-tili, sudumeni, sulī, supa, talusunī, uani, u ši u ni, u šulmu, zabzi, zanani и др.

После издания корпусов урартских надписей Г.А. Меликишвили и Ф.В. Кёнига в новонайденных текстах были засвидетельствованы новые имена лиц и божеств (с. 477–492): ^mAbiliqunu (?), ^mAka'a, ^dAliauni, ^mAluani, ^mAnique, ^dBala, ^mBatišadini, ^mInuššila, ^mKurgi, ^mLubšušini, ^mMeša (имя царя страны Kulḥ a), ^mMuida, ^mPanuluani (?), Qutubili, ^mSiluni, ^mTata, ^mUbiabi, ^mZzinu (из известных ранее названий отсутствуют: ^mAbilianiḥ i, ^mAbnuluani, ^mLubarḥ i, ^mšaški, ^mTuateḥ i).

Географические и этнические названия (с. 493–530), выявленные после опубликования указанных выше работ Г.А. Меликишвили и Ф.В. Кёнига, распространены на обширной территории, занимавшейся Урарту, а также соседних с ним стран. Таковыми являются: города Aeli(i)a, Aisuabzuni, Alniunu, Amuša, Arduni, Aršuniu(i)ni/u, Buini(alḥ i), Bulauhi, Er(e)buni = Iḥru-ni, Erima, Gidimaruni, Ḥuradinakuni, Ḥusišili, Qudunili, Qutume, Tapzu'anana, Urkiani; *страны* Arḥ u, Arteni, Buqu, Buzunia, Giarniani, Girduni, Igarab-ḥ ubi, Iqisa, Quriaka, Šapagili, Suluqu, Taplani, Tarparaka, Ṭišduni, Uldinie, ^{KUR}URI/Tilla = гетерографическое обозначение ассирийского ^{KUR}Uratu и урартского ^{KUR}Baiina (прежнее чтение ^{KUR}didī(ni) – УКН 128, В I₂ – Н.В. Арутюнян считает неправильным; это название автор читает как U]l-di-ni, с. 186); *горы* Airi, Buduani, Eiduru, Malmalie, Nagiliani; *реки* Gugunani, Dainali-tini.

В «Послесловии» (с. 531–533) автор рецензируемого Корпуса урартских надписей приводит еще несколько урартских текстов, опубликованных турецкими учеными. Авторами этих текстов являлись Ишпуини, сын Сардури, Аргишти, сын Русы, и, видимо, Менуа, сын Ишпуини. В последней надписи упоминаются неизвестные урартские слова suruqu [...], ^{NA4}adanusa [...], riša [...], quṭuḥ u [...], значения которых пока не восстановлены.

В конце книги помещены фотографические воспроизведения и автографические копии надписей (I–CLXXXIII), список таблиц, список сокращений и схематическая карта Урарту.

Данный обзор рецензируемого нами труда показывает, что появилось исключительно важное издание, которое следует рассматривать как новый этап в развитии урартоведческой науки. Открылись новые перспективы для дальнейшего изучения урартских клинописных надписей, для разработки новых актуальных проблем урартологии. Корпус несомненно представляет огромный интерес для специалистов древневосточной науки, в частности для лингвистов, филологов, историков.

Судя по опубликованным после известных урартологических работ Г.А. Меликишвили и Ф.А. Кёнига текстам, палеографически все они чрезвычайно близки к изданным ранее урартским надписям. Как выяснилось, урартской клинописи, как и ассирийской, свойственна полифоничность знаков, а гетерографические написания (шумерских и аккадских гетерограмм) в урартском письме применяются не реже, чем в других видах клинописи (И.М. Дьяконов). По мере находки новых текстов становится ясным, что в урартских документах (в отличие от надписей) применяются словоразделители, употребляемые и в других древневосточных (в особенности хеттских клинописных) текстах с тем различием, что они употреблялись, как правило, перед заимствованным из другого языка словом. Обращает на себя внимание и применение системы гетерограмм в урартском письме – в текстах гетерограммы комбинируются с детерминативами и встречаются составные гетерограммы, не известные шумерской и аккадской клинописи.

Существует точка зрения, что урартская письменная практика указывает на существование непрерывной письменной традиции от Митанни и Хатти до Урарту. Это предположение, однако, кажется нам неубедительным, поскольку в Урарту исключается существование прямой письменной традиции, восходящей к письменности Митанни и Хеттского государства XVI–XIII вв. до н.э. Это невероятно уже по той причине, что Урартское государство не существовало до IX в. до н.э. Более правдоподобным кажется нам предположение Г.А. Меликишвили и Н.В. Арутюняна, согласно которому возникновение урартской письменности относится

к последней четверти IX в. до н.э. (УКН, с. 93) или же к периоду царствования Ишпуни, сына Сардури I (КУКН, с. 9).

Согласно мнению некоторых ученых, ряд формул в анналах урартских царей как будто заимствован из хеттской анналистики II тыс. до н.э., а не из ассирийской. Однако представляется более достоверным, что урартские анналы и надписи проявляют черты сходства именно с ассирийскими, а не хеттскими письменными памятниками, так как и в данном случае исключается прямая связь между хеттами и урартами: созданная значительно позднее урартская письменность происходит от ассирийской разновидности клинописи, тогда как хеттская и хурритская письменности восходят к староаккадской письменной традиции начала II тыс. до н.э.

Из урартских текстов, опубликованных после издания корпусов урартских надписей Г.А. Меликишвили и Ф.В. Кёнига, можно извлечь и некоторые исторические данные, имеющие особое значение для изучения урартского царского хозяйства, вопросов организации налогов и повинностей, повседневной общественной жизни в Урарту, последовательности и хронологии правления последних урартских царей и многого другого. Хотя большое количество урартских слов относится к лексике военных, строительных и религиозных (в частности культурных) надписей, появились новые данные и для уточнения и дальнейшего изучения исторической географии Урарту и т.д.

В заключение можно сказать, что выход в свет рецензируемого труда Н.В. Арутюняна является большим событием в мировой урартологии, значение которого трудно переоценить.

Т.В. Гамкрелидзе, Г.Г. Гиоргадзе

© 2003 г.

О.В. КУЛИШОВА. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. 429 с.

Работа О.В. Кулишовой посвящена истории Дельфийского храма и оракула в эпоху греческой архаики и классики. Она знаменательна тем, что в ней прослеживаются не только история святилища, его организация и структура, но и дан подробный анализ участия Дельф в международных связях того времени, их вмешательства во взаимоотношения греческих полисов друг с другом, с варварскими государствами Лидией и Персией, сыгравшими важную роль в судьбе Эллады. Книга, изданная в серии *Studia classica* и хорошо иллюстрированная, состоит из Введения, четырех глав, Заключения и Приложения с текстами дельфийских оракулов, а также обширного списка литературы.

Во Введении даются подробный анализ источников и историография вопроса, где перечисляются основные точки зрения зарубежных и отечественных исследователей по проблемам истории дельфийского святилища и прорицалища. Автор отмечает, что будет пользоваться всеми видами источников, однако основной упор делает на использование свидетельств античных писателей, среди которых главное место занимает сочинение Геродота. В обзоре литературы рассматриваются почти все существующие на данный момент подходы и выводы не только по проблеме межгосударственных контактов Дельф, но и по вопросам возникновения культа Аполлона, мантики и обрядовой стороны религиозных церемоний в святилище. Автор активно использует труды англо-американских, французских и немецких ученых, убедительно спорит с ними, приводя собственные аргументы, но чаще присоединяется к той или иной из высказанных точек зрения. Здесь же сформулированы задачи исследования, ответ на которые, забегая вперед, полностью дан в последующих главах.

I глава посвящена культу бога Аполлона в начальные годы существования Дельфийского святилища. В ней раскрывается значение этого культа для эллинов, анализируются основные мифы, связанные с богом и его оракулом в Пифо, и на их базе исследуются главные версии происхождения культа. О.В. Кулишова отмечает многочисленные ипостаси Аполлона уже в крито-микенскую и гомеровскую эпохи, выделяя такие его функции как сеятель смерти и ужаса, исцелитель, покровитель света и искусств, «апогропей»-защитник и бог-прорицатель. Подчеркивается тесная связь бога с государственным устройством полисов в архаическую эпоху, что было навеяно общеисторической ситуацией, подпитывавшейся процессами становления и развития полисных гражданских общин. Автор справедливо относит почитание Аполлона в контексте общегреческого пантеона и связей с Зевсом, Лето и Артемидой к ми-